

Слово редактора

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНТЕРЕС: РЕФЛЕКСИВНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ ПРИЗМА МИШЕЛЯ ФУКО

В.П. Макаренко

Южный федеральный университет

Аннотация: Отечественная литература по проблеме государственных интересов (далее ГИ), за незначительным исключением, отражает историю и современный момент бытия и видения политической конъюнктуры страны и мира властвующими меньшинствами России. В Рунете выставлено более 11 млн. сайтов на эту тему. Большинство этих публикаций не имеет научной ценности. Они могут служить множеством примеров зависимости точки зрения на государственный интерес от колебаний политической конъюнктуры и произвола господствующих меньшинств страны. Зависимость и произвол состоят в трактовке ГИ во взаимосвязи с национальными интересами России, хотя «...что означает это выражение национальные интересы, никто точно не знает»¹. Автор статьи развивает подход К. Маркса к ГИ как элементу бюрократического отношения власти к гражданам, государства к обществу. Такой подход позволяет придать постоянство трактовке ГИ, поскольку до сих пор нет государств, свободных от бюрократии как социального организма-паразита, отражения социальных противоречий и воплощения политического отчуждения². Ради взятия власти основатели СССР создали экономические, социальные, политические и идеологические предпосылки тотальной бюрократизации государства. Эта традиция унаследована и усилена властвующим меньшинством современной России. Поэтому автор предлагает ставить и обсуждать проблему насилия и политической бездарности господствующих меньшинств России как множество продуктов бюрократического господства по всех сферах государственной политики и управления³. В последние годы такой подход получил конкретно-социологическое обоснование⁴, в том числе квалификацию нынешнего российского государства как паразитического⁵. Данная статья продолжает авторскую реконструкцию эвристического потенциала концепта ГИ Мишеля Фуко.

Ключевые слова: государственный интерес, Мишель Фуко, государственный переворот, насилие и зверство, три смысла населения, инакомыслие и политика, рефлексивно-практическая призма.

¹ См.: Алаев 2019: 336.

² См.: Макаренко 2021.

³ См.: Макаренко 2018; Бюрократия и авторитаризм 2020; Макаренко, Акопян, Халед 2020.

⁴ См.: Господство против политики 2020; Структуры господства: граждане и институты 2020.

⁵ См.: Фишман, Мартъянов, Давыдов 2019; Эткинд 2020.

Если в чтении не существует такой вещи, как «последнее слово», никакой авторитет не сможет настоять на «правильном» прочтении.

Альберто Мангель⁶

В лекции Фуко от 15 марта 1978 г. обсуждается проблема определения и признаков государственных интересов (далее ГИ). Концепт ГИ возник в XVII в. на пересечении объективного и субъективного смысла понятий *интерес* и *государство*. Фуко при обосновании своей точки зрения ссылается на трактат Палаццо «Рассуждение о правительстве и подлинном государственном интересе», в котором термин «интерес» использовался в объективном (основание, сущность, необходимая связь различных элементов, образующих единство вещи) и субъективном (способность души, которая позволяет познать истину указанных параметров вещей) смыслах. Интерес – это средство познания, которое позволяет воле быть применённой к предмету и сути вещей, и одновременно сама сущность вещей, познание их основания и силы, которая обязывает волю следовать сути вещей. Государство – это: территория; юрисдикция; индивидуальный статус; стабильность [Фуко 2011: 334–335].

Короче говоря, в состав понятий *интерес* и *государство* входят признаки: самодостаточности; квалификации управления как сущности государства; консервативности; отрицания любой внешней, предшествующей и конечной цели государства. ГИ – это синтез когнитивных и властно-управленческих признаков. ГИ означает, что правительство всегда необходимо как акт продолжающегося творения государства. Константы такого «творения» Фуко детально прослеживает, поскольку каждый из признаков указанных понятий может быть предметом дискуссии.

Дискуссионность вытекает также из того, что ГИ связан с новым пониманием политического и исторического времени, которое отличается от религиозного и исторического мышления Средневековья и Ренессанса неопределённым, консервативным, вечным временем управления. Это снимает проблемы начала, обоснования, легитимности, династии и конечной цели. Государство – это единство ГИ и управления. Оно не занимается спасением индивидов и поиском конца истории. Индивиды попадают во власть бесконечного исторического времени и неопределённого безграничного управленчества. Возникает идея открытой истории в силу бесконечности политического искусства. Иначе говоря, на государство переносятся предикаты Бога, воплощением которых является управление государством.

В Новое время возникла также идея вечного мира, который свяжет государства, станет способом их сосуществования по принципу равновесия, устранив господство одной страны над другими, обеспечит стабильность в многообразии. Отсюда Фуко заключает: современные идеи прогресса, счастья, благополучия есть продукт бесконечного управленчества, которое обеспечивает прогрессом, счастьем и благополучием подданных.

Такое управленчество Фуко предлагает изучать с точки зрения спасения, послушания, истины – основных свойств пастырской власти. Объектами анализа становятся тексты Ноде «Политические рассуждения о государственном перевороте» и Сирмона «Государственный переворот Людовика XIII», вышедшие в 1630-е гг. В XVII в. государственный переворот (далее ГП) квалифицировался как способ спасения ГИ и означал не захват государственной власти (как понимают ГП сегодня), а время неопределённости и бездействия законов. ГП выше права и совпадает с ГИ, поскольку оба противостоят законности и легитимности; ГП образует элемент, событие и способ действия ГИ. ГИ соблюдает законы лишь в той мере, в какой

⁶ См.: Мангель 2020: 126.

считает их полезными и необходимыми элементами своих действий. Но бывают моменты, когда ГИ обязан отвергнуть гражданские, нравственные, природные законы во имя спасения государства. В этом смысле ГП есть самопроявление государства и утверждение ГИ, который требует сохранить государство любым способом и средствами. Если спасение государства рассматривается как сверхзадача, то политика выходит за пределы законности.

Прежде всего потому, что в состав ГИ входит насилие. При нормальном состоянии ГИ не является насильственным, поскольку он сам для себя устанавливает законы и этим ограничивает собственную активность. Но при необходимости ГИ обязан идти на жертвы, причинять страдания, несправедливость, смерть. Например, ГИ требует приносить в жертву некоторых людей ради спасения государства как такового. А между тем идея такой жертвенности входит в состав пастырской власти, восходящей к догосударственному периоду истории. Фуко предлагает соединить ГП с ГИ, потому что ГИ возникает в момент осуществления насильственного ГП. Государство соединяет насилие с ГИ ради трансляции пастырской власти. Насилие государства есть внезапное проявление его интереса.

Фуко ссылается на текст первой половины XVII в., в котором аргументируется необходимость проводить различие между насилием и зверством. Зверство – это насилие, которое «совершается лишь по прихоти частных лиц, тогда как насилие, совершаемое по согласию мудрецов», есть государственный переворот. Оппозицию зверства и насилия повторяет Боссюэ, а Жене назвал зверством государственное насилие, а насилием – то, что теоретики XVII в. называли дикой силой. Стало быть, отношение между ГИ, насилием и зверством входит в состав бесконечного управления.

На основе указанной констатации Фуко ставит проблему театральности ГИ. Главным объектом политического театра является суверен как хранитель государственной власти. ГП как внезапное утверждение ГИ вынужден обнаруживать и прославлять собственную необходимость. Ради привлечения сторонников и сокрытия собственной незаконности надо связать ГП с ГИ. Ради успеха ГП скрывает свои методы и приёмы, но заявляет о себе в последствиях. Все это делает ГП зрелищной возможностью суверена продемонстрировать вторжение ГИ и его превосходство над законностью.

Примером для Фуко служит политический театр Нового времени, который заменил средневековые коронации и похороны суверена и возник для отражения практики ГП, совершаемого сувереном. Драматические образы государственного переворота содержатся в пьесах Шекспира, Корнеля и Расина. Театр представляет ГИ в его драматической, напряжённой, жестокой форме. Королевские и царские дворы образуют место, где ГИ театрализуется в идеях интриг, опалы, избранности, изгнаний, ссылок. Само бытие государства становится главным объектом театрального изображения.

Затем Фуко констатирует: в эпоху распада квазиимперского единства мироздания из природы устраняется драматизм, событийность, трагизм, а в сфере политики происходит противоположное. Открывается новая историческая перспектива бесконечного бесцельного вневременного государственного управления. Все государства отдаются на волю безнадежной и бесконечной истории. Они руководствуются ГИ, законом которого является не династическая и религиозная легитимность, а необходимость, с которой государство неизбежно столкнется в случайных ГП, в основе которых лежит субъективный ГИ. Государство, ГИ, необходимость, угроза ГП образуют новый трагический горизонт политики и истории. При рождении ГИ рождается трагизм истории, не имеющий ничего общего с оплакиванием прошлого и настоящего. ГП – это реализация трагизма истории и безграничного управления: «[...] при государственных переворотах мы сначала видим, как сверкает молния, а затем слышим, как гремит гром»; «заутрени звучат раньше, чем их услышат, исполнение предшествует решению; всё происходит как у иудеев; [...] получает удар тот, кто думает, что его нанес,

умирает тот, кто думал, что находился в полной безопасности, страдает тот, кто об этом даже не думал, всё происходит ночью, во мраке, в тумане и сумерках» [Там же: 349].

Пастырство помогало переносить любую бедность и нищету аскетов. На смену его обещаниям приходит театральная и трагическая жестокость государства, которое ради собственного спасения (всегда находящегося под угрозой и сомнением) требует применять насилие как самую чистую форму ГИ. ГИ – это способ насильственного спасения государства. Такое спасение всегда находится под угрозой и сомнением.

Для иллюстрации исходного трагизма ГИ Фуко использует «Очерк о мятежах и волнениях» Бэкона. Этот источник позволяет анализировать послушание в контексте бунтов как главной политической проблемы XVII в. Бэкон считал мятежи нормальным, естественным, присущим государствам явлением. Он определял возможность мятежа в виде идущих снизу⁷ и сверху⁸ признаков, свидетельствующих о слабости власти и возможности восстания.

Попутно Фуко эксплицирует различия позиций Макиавелли и Бэкона.

Макиавелли возлагал ответственность за мятеж на правительство. Для этого он проводил различие между недовольством знати и недовольством народа, включал рассуждения о знати, внутренних и внешних соперниках князя в контекст проблемы сохранения владения, считал знать опасной (по причине ее заговоров), полагал народ пассивным и наивным (средством для князя, ибо в противном случае станет средством для знати). Для Бэкона самым важным предметом управления был народ, а не знать. При управлении прежде всего надо учитывать народ.

Макиавелли принимал в расчет реальные (или видимые) характеристики государя (быть или казаться справедливым-несправедливым, грозным-слабым). Бэкон полагал главной целью правительства расчет и учет обращения богатств, налогов, пошлин, а не внешний вид государя. Экономика и общественное мнение – главные элементы реальности, которыми правительство должно уметь манипулировать. Фуко считает, что Бэкон развивал политику экономического расчёта вместе с меркантилизмом как политической практикой и первыми пропагандистскими кампаниями. Пропаганда была изобретена Ришелье, который вел политические кампании путём пасквилей, памфлетов, и способствовал созданию профессии манипуляторов общественным мнением. Рождение экономистов и публицистов совпало во времени. Это были два главных аспекта реальности, которые взаимосвязаны с управлением, экономикой и общественным мнением.

Присущая ГИ рациональность подразумевает производство другого типа истины по сравнению с пастырством. В пастырстве было необходимо, чтобы: истина была постижимой в обучении; при организации истины пастырь знал, что происходит в его общине; каждый из пасомых открыл бы в себе истину, которую пастырь делает явной; по отношению к этой истине пастырь оказывается судьёй, гарантом и постоянным свидетелем. Именно круговорот истины характеризует пастырство.

Главное преобразование сводится к содержанию. До XVII в. образ правителя включал мудрость (знание позитивных законов страны и естественных законов, которым подчиняются все люди, законов и повелений Бога, исторических примеров и образцов добродетели) и осторожность (знание о том, в какой мере и при каких обстоятельствах надо применять

⁷ К таким признакам относятся: шум (появление пасквилей, памфлетов, речей против государства и его управляющих; переворачивание ценностей (отрицательная оценка любого действия правительства); плохая циркуляция приказов выражается в следующих явлениях: отдающие приказ разговаривают робко, а принимающие его говорят смело и дерзко; вместо беспрекословного исполнения приказа его начинают интерпретировать, включать в него собственные рассуждения, создавая препятствия между приказанием и повиновением.

⁸ Эти признаки таковы: знать (окружение суверена) демонстрирует, что повинуется не его приказам, а собственному интересу; государь становится на точку зрения одной из партий (частей элиты) и поддерживает её интересы за счёт остальных. Это свидетельствует о слабости власти и возможности восстания.

мудрость – в какой момент применять законы во всей их строгости, а в какой способствовать преобладанию принципов справедливости над формальными правилами).

На протяжении XVII в. возникло другое правило: суверен и управленец должны знать реальное положение вещей (а не законов) как элемент ГИ. Статистика дает знание о силах и ресурсах государства в данный момент. Это – не корпус законов и ловкость их применения, а комплекс технических знаний о реальности государства.

Таким знанием овладеть крайне трудно. Обычно статистика развивалась в малых государствах, в которых знание ресурсов обеспечивалась незначительностью страны. Суверен должен брать административный аппарат не таким, каким он есть на деле, а таким, чтобы можно было в любой момент знать точно, что происходит в стране. Административный аппарат должен быть не просто агентом исполнения приказов суверена, взимания налогов и отбора кадров, но аппаратом познания как самой важной стороны отправления власти. После анализа «содержания» знания, востребованного ГИ, Фуко описывает его «форму».

Вначале это были «расследования и постоянные отчёты», позволяющие сформировать «специфическое знание, которое постоянно рождается при самом отправлении управленческой власти, которое с ней соотносится. Которое её всякий раз объясняет и которое указывает не на то, что следует делать, но на то, что существует и что может существовать. Знание, которое требовалось для политики, зависело от практического интереса. Раньше это всегда было знание о том, «что делать» (в границах ловкости, осторожности, мудрости, добродетели). Знание, в сущности, предписывающее, связанное с *exemplum*, из которого извлекаются позитивные и негативные советы. Теперь же правительство намерено довольствоваться одним лишь фактическим, современным знанием, связанным с реальностью (государством), с существующим вокруг него полем возможного и невозможного. Государство – эта инстанция реальности, которая определяет возможности правительства.

С этим связана проблема государственной тайны. Секрет – «это знание о силах (реальности + возможности) во множестве случаев является инструментом правительства лишь при условии, что оно не будет разглашено». Знание бесполезно, если всем известно, что происходит в государстве; враги и соперники не должны знать, каковы его ресурсы. Возникает необходимость исследований, которые соотносились бы с деятельностью администрации, а также засекречивание статистики, которая стала секретом власти и стороной ГИ.

Затем возникает проблема публики. ГИ вмешивается в сознание людей не ради навязывания им истинных или ложных верований (например, когда правители желают верить в свою легитимность и не верить в легитимность соперников), а для изменения их мнений, способа действий и поведения как экономических и политических субъектов. Именно такая работа общественного мнения становится аспектом политики истины в ГИ.

В заключение Фуко констатирует, что он создает не генеалогию и не историю государств, а рефлексивно-практическую призму, в которой в XVI – начале XVII вв. проявилась проблема государства. Он замечает, что не создает историю в терминах астрофизики планеты Земля, а историю призмы, позволяющей начиная с определённого момента понять, что Земля была планетой. Это не одно и то же. Когда создаётся история наук, история способа, каким было получено знание, что Земля оказалась планетой по отношению к солнцу, то очевидно, что создаётся история совершенно автономной и независимой серии событий, которая не имеет ничего общего с эволюцией самого космоса. Знание о том, что Земля является планетой, никак не повлияло на положение Земли в космосе.

Появление государства как предмета рефлексии определило историю и способ кристаллизации его институтов. Рефлексивное событие – это совокупность процессов, посредством которых государство в данный момент входит в рефлексивную практику людей. Таков способ бытия и осмысления правительства и его действий. Этот способ не определял разви-

тие предшествующих государственных структур (армии, налоговой системы, правосудия); но он стал важен для того, чтобы все эти элементы вошли в область активной, согласованной, рефлексивной практики, которая и была государством. Государство – это практика, а не вещь и сущность, которая развивается на собственной основе и воздействует посредством спонтанной механики на индивидов. Государство невозможно отделить от совокупности практик, которые были причиной того, что оно стало способом управления, действия и связи с правительством.

Однако в составе анализа ГИ в контексте спасения и государственного переворота, послушания и подчинения, истины и публики есть население, которое одновременно присутствует и отсутствует. Суть рефлексивно-практической призмы состоит в способе классификации населения, который предлагает Фуко.

Население присутствует в той мере, в какой на вопрос о цели государства отвечают: это само государство в той мере, в какой оно должно быть счастливым, процветающим и пр. В этом случае понятие населения как субъекта и объекта высшего счастья лишь намечается.

Если народ считается основным элементом послушания и потенциальным бунтарем одновременно, то понятия населения нет.

Если публика понимается как объект, на мнение которой надо воздействовать ради изменения её поведения, то мы уже близки к понятию населения. Но рефлексивный элемент населения не присутствует и не имеет значения в первом анализе ГИ, который говорит о благополучии без субъекта. Для такого ГИ проблема состоит в богатстве государства, а не населения. Не люди должны быть счастливы, богаты и процветать, но само государство. Такова основная черта меркантилистской политики эпохи. ГИ – это отношение государства к самому себе, самопроявление, в котором элемент населения намечен, но он отсутствует и не осмыслен. Важно подчеркнуть, что богатство государства и населения не совпадают.

Хотя Бэкон рассуждал о бедности, недовольстве, мятежах, он не рассматривал население как множество экономических субъектов, которые способны к автономному поведению. Он имел в виду обращение и торговый баланс богатств, а не население как экономический субъект. Теоретики ГИ тоже понимали публику и общественное мнение как пассивный элемент. Они хотели навязать индивидам определённые идеи, но не воспользоваться их позицией, мнением, действиями. ГИ определяет искусство управления, в котором обращение к населению подразумевается, но не попало в фокус рефлексивной призмы.

Эта призма связана с появлением политики как способа мышления, рассуждения и расчета: «...не следует забывать, что в то время политика ... беспокоила современников как нечто, связанное с инакомыслием. Именно это инакомыслие и определяется как политика...; политика, которая для искусства управления была тем же, чем была в ту же эпоху математика для науки о природе» [Там же: 374]. Стало быть, инакомыслие определяет суть рефлексивно-практической призмы, которая создана Фуко для анализа проблемы государственного интереса во всех его сочетаниях с мыслью и действием. Следствия этой посылки нуждаются в систематическом обдумывании.

* * *

При этом надо учитывать результаты анализа Фуко. Он показал, что ГИ полагает государство регулирующей идеей. В рамках такого политического мышления государство стремилось рационализировать искусство управления и вначале было принципом понимания реальности. Государство – это определённый способ мыслить то, что уже было в его природе, связях, отношениях, элементах и институтах (король, суверен, судья, органы суда, закон, территория и ее жители, достояние государя и суверена). Государство было способом и схемой осмысления, понимания, анализа, определения природы и связи всей совокупности этих

элементов, учреждений и реальностей. В этой схеме король становился персонажем, который имеет особую роль не по отношению к Богу и спасению людей, а по отношению к государству как принципу понимания реальных лиц и институтов.

В таком политическом разуме государство функционировало как объект (то, что должно быть достигнуто в итоге вмешательств разума) – и цель (рационализация искусства управления ради целостности, завершенности, усиления, восстановления государства, если оно подвергается опасности, разрушению, ослаблению при революции). Все это достигается вмешательством ГИ. Государство – это принцип понимания того, что есть и должно быть для его улучшения. Принцип понимания и стратегическая цель – таковы рамки совпадения управленческого интереса с ГИ. Государство – это регулирующая идея политики как формы мышления, рефлексии, расчёта, вмешательства. При этом политика понимается как математика, рациональная форма искусства управления. Управленческий интерес полагает государство принципом, объектом и императивом прочтения реальности. Государство руководит управленческим интересом, создаёт возможность управлять рационально, следуя необходимости; это функция понимания государства по отношению к реальности и причина того, что управление разумно и необходимо. Управление разумно в той степени, в которой государство есть и должно быть.

Таким образом, эвристический потенциал рефлексивно-практической призмы Фуко при описании ГИ предполагает выявление принципиальных отличий религиозного, политического и исторического времени Средневековья, Ренессанса и Нового времени. Причины приписывания государству и его интересам вечности и других предикатов Бога становятся главным объектом исследования. Отношение между ГИ, насилием и зверством входит в его состав. Если спасение государства рассматривается как сверхзадача, то политика выходит за пределы законности и легитимности. Значит, вся сфера государственных интересов в данной точке пространства и времени может рассматриваться с точки зрения спасения, послушания и истинности. Эпохи распада империй становятся предметом театрализации. Особенно важен учет того, что богатство государства и населения не совпадают. История России в XX–XXI веках дает богатейший материал для фиксации такого несовпадения. А стремление определенных политических сил сохранить пастырскую власть и имперское устройство России увеличивает эвристический потенциал концепции Фуко.

Алаев Л.Б. 2019. *Проблематика истории Востока*. – М.: Ленанд.

Бюрократия и авторитаризм... 2020. *Бюрократия и авторитаризм: панорама междисциплинарной дискуссии*. Отв.ред В.П. Макаренко. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во Южного федерального университета.

Господство против политики... 2020. *Господство против политики: российский случай. Эффективность институциональной структуры и потенциал стратегий политических изменений* / С.Г. Айвазова, А.В. Жаворонков, Г.Л. Кертман, А.Л. Королев, А.М. Кучинов, О.А. Мирясова, И.Л. Немяк, Ю.Е. Островская, Т.В. Павлова, С.В. Патрушев; Л.Е. Филиппова; под ред. С.В. Патрушева, Л.Е. Филипповой. – М.: Политическая энциклопедия.

Макаренко В.П. 2018. *Насилие и политическая бюрократия*. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во Южного федерального университета.

Макаренко В.П. 2021. *Собрание сочинений: в 5 т. Том 1: Организм-паразит: концепт бюрократии в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина. Революция и власть: размышления политолога*. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во Южного федерального университета.

Макаренко В.П., Акопян А.Г., Халед Р.К.Б. 2020. *Политическая бездарность: государственный интерес в контексте бюрократического господства*. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во Южного федерального университета.

Мангель А. 2020. *История чтения*. / Пер. с англ. М.Юнгер. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха.

Структуры господства... 2020. *Структуры господства, граждане и институты* / [А.В. Жаворонков и др.] ; отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. – М.: Политическая энциклопедия.

Фишман Л.Г., Мартьянов В.С., Давыдов Д.А. 2019. *Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии*. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Фуко М. 2011. *Безопасность, территория, население. Курс лекций прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году* / М. Фуко: Пер. с фр. В.Ю. Быстрова, Н.В. Сулова, А.В. Шестакова. – СПб.: Наука.

Эткинд А. 2020. *Природа зла. Сырье и государство*. – М.: Новое литературное обозрение.